

Вячеслав Шалыгин

Найти героя

«ЭКСМО»

2004

Шалыгин В. В.

Найти героя / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-16907-5

ISBN 5-699-16907-5

© Шалыгин В. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вячеслав Шалыгин

Найти героя

Глава 1

Астероид был небольшим, каких-то сто километров в длину и десять в ширину. По условной толщине и того меньше – метров семьсот. Этаким пластик классической жвачки. Летел он ровно, почти не кувыркаясь, и не так чтобы очень быстро. По космическим меркам, конечно. Астероид летел курсом атаки и за два года с момента обнаружения не дал ни единого повода усомниться в серьезности своих намерений. Скорость небесного булыжника отличалась завидным постоянством, катастрофа с каждым днем становилась все более реальной, но способа, чтобы ее избежать, никто так и не придумал. Астрономы наблюдали, военные и гражданские специалисты тщетно искали решение проблемы, а каменная плита продолжала свой пространственный серфинг по волнам звездных течений, направляясь точно к Планете.

– Предлагаю разрушить его сверхмощной термоядерной боеголовкой! – генерал Бубнов произнес эту фразу, наверное, в сотый раз за вечер.

– И на Планету свалится не одна глыба, а град из тысячи астероидов помельче, – председатель секретной кризисной комиссии, а в миру Президент Планеты П. П. Думский в сотый раз отрицательно покачал головой. – Эффект будет почти тем же. От Планеты останется изрытый воронками безжизненный шар.

– Это лучше, чем осколки шара! – уверенно заявил генерал. – Люди не смогут жить на горячих обломках, господин Президент!

– На горячей сырной головке они тоже не смогут жить. – Президент тоскливо взглянул на главного гражданского специалиста, профессора-астрофизика Лебедянку. – Ваше мнение, Вениамин Арнольдович?

– Я его уже озвучивал, – профессор колыхнул третьим подбородком, видимо, нервно сглотнул. – Мы обречены.

– А если без слез? – Думский приподнял одну бровь.

– Мы обречены, – менее трагично повторил Лебедянку. – Ведь уничтожить астероид невозможно. Разве что попробовать сбить глыбу с курса. Это, конечно, тоже не решение проблемы, поскольку под действием притяжения Планеты объект опишет в пространстве эллипс и, в конце концов, вернется. Однако вернется он не раньше чем через месяц. Возможно, к тому времени мы найдем способ... Но не с помощью оружия, это однозначно! Против данного астероида оно будет бесполезно. Свойства составляющего объект вещества настолько необычны...

– Это не выход! – перебил его Президент, потирая седые виски. – Уже два года мы ходим вокруг да около, но никто так и не предложил ничего стоящего. За что вы получили свои ученые степени и погоны, господа?! За что правительство платит вам баснословные деньги? Где решение проблемы?! Отсрочка нам не нужна. Нам требуется нормальное решение. Окончательное! Раз и навсегда!

– Полная эвакуация и ракетный удар, – снова завел свою пластинку Бубнов. – Когда Планета оправится от метеоритного дождя, мы вернемся и отстроим все заново.

– Она никогда не оправится, – вяло возразил четвертый участник секретного совещания. – Мы ее потеряем. Даже не стоит тратить время. Я согласен с генералом в одном: нужна эвакуация. Полная, всеми доступными средствами.

– Вы представляете, что начнется, когда мы объявим о таком решении, господин Хорошеев?! – возмутился Президент. – Паника, хаос, неуправляемость...

– Это уже забота спецслужб, – господин Хорошеев горделиво выпрямился. – Моя забота, господин Президент.

– Бред... – фыркнул последний из тайных заседателей, командующий космолотом адмирал Труба. – Вы слишком высокого о себе мнения, господин директор. Сто миллионов человек против полумиллиона агентов вашей Планетарной Службы Безопасности. По двести душ на рыло. Хрен управитесь.

– Привлечем полицию, флотских офицеров и национальную гвардию, – невозмутимо произнес Хорошеев. – В сумме получится миллион, как вы говорите, «рыл».

Адмирал нахмурился.

– Труба прав, – вступился за коллегу генерал Бубнов. – Совладать с хаосом таких масштабов по силам только... не знаю... одному богу, наверное. Надо эвакуироваться постепенно. Сначала спасти технику для освоения новых земель, потом организовать пропаганду. Ну, вроде как найдена более приличная планета, и участки там задешево продаются. Когда улетят все новообращенные колонисты, оставшимся можно и объявить, что дело труба... то есть... ну... плохо дело.

Адмирал взглянул на коллегу искоса.

– Хорошая идея, – одобрил Президент. – Что же вы раньше молчали? Теперь это может не сработать, ведь у нас осталось... Профессор, сколько у нас осталось?

– Три дня, – толстяк обреченно вздохнул. – Ну и еще месяц, если в первый раз пронесет.

– За месяц общественность на подвиги не раскачаешь, – согласился с президентскими сомнениями Хорошеев. – За три дня – тем более.

– Ну, давайте для начала объявим мобилизацию, – предложил Бубнов.

– На каком основании? – удивился службист.

– Ну, как бы на военные сборы, только для отработки освоения новой планеты, – генерал был явно в ударе. Идеи сыпались из него, словно из рога изобилия.

– Дело, – вновь одобрил Президент Думский.

– Раскусят, – твердо возразил Хорошеев. – Нам поможет только элемент внезапности. Пока народ будет в шоке, ему не придет в голову ни мысль о панике, ни о чем-то еще. Главное, успеть до тех пор, когда шок пройдет.

– А какую вы предъявите планету?! – возмутился адмирал Труба. – После Третьего Черного шторма на сто парсеков вокруг нашей системы не осталось ни одного пригодного для освоения шарика! Заявите, что нашли потерянный путь на Землю? Вам никто не поверит.

– Президенту и не поверят?! – теперь возмутился глава государства.

– В первую очередь, – брякнул, видимо от крайнего расстройства, профессор.

– Что?!

– Я хотел сказать... – заерзал Лебедяно. – Я не так хотел выразиться!

– Профессор сомневается, что версия прозвучит убедительно даже из ваших уст, – пришел на помощь вспотевшему от смущения астрофизику Хорошеев. – «Даже» и в «первую очередь» довольно близкие по смыслу выражения. В данном контексте.

– Да? – Президент задумался. – Не вижу ничего близкого, но ладно. Будем считать это неудачной шуткой. Неукложей попыткой разрядить обстановку.

– Все одно, не пойму я, – снова прогудел Труба, – почему вы на эвакуацию налегли? Кого вы за три дня успеете эвакуировать, даже если весь народ, вместо того чтобы запаниковать, начнет ходить строем и отдавать друг другу честь? Хоть за месяц, хоть за год, больше миллиона не вывезти. Поскольку больше на корабли не влезет, а высаживать их на самом деле некуда! Ведь это только «утка» такая, про новые планеты, а на деле – чистая отсидка в космосе и на непригодных для жизни соседках по звездной системе! Но все космические станции и так переполнены, а под куполами городов на Аресе и на спутниках Зевса нет достаточного запаса продовольствия и воздуха. Что же получается, иначе справиться с напастью совсем никак?

Девяносто девять процентов населения – псу под хвост?! Профессор зря по три пайки за раз лопаёт?

– Сбить астероид с курса невозможно! – обиженно выпалил Лебедяно. – Хоть четыре пайки за раз съешьте – ничего не придумаете! Накроет он нас большой медной трубой!

– Ты можешь этого и не увидеть, – адмирал угрожающе потер правый кулак, надо сказать довольно внушительный. – Из-за фингалов.

– Прекращайте этот детский сад, – Президент поморщился. – Серьезные взрослые люди...

– У нас есть «Криптон», – отводя взгляд от пунцовой физиономии Трубы, сказал профессор. – Правда, это лишь опытный образец. Там, кроме двигателей и каркаса, никаких удобств.

– «Криптон»? – Президент поиграл лазерным пером. – Суперкрейсер? А дооборудовать его можно?

– В него вложено десять годовых бюджетов министерства обороны, – осторожно напомнил Хорошеев. – Не слишком ли широкий жест?

– Спасение человечества стоит любых денег, – Президент удивленно уставился на Хорошеева. – Разве это не очевидно?

– Согласен, но для меня не очевидно другое – серьезность угрозы.

– Вам принести телескоп?! – возмутился Лебедяно.

– Астероид можно увидеть в телескоп? – директор с подозрением взглянул на профессора. – Почему же его до сих пор не заметили астрономы-любители?

– Потому что он летит прямо на нас и выглядит для планетарного наблюдателя как тень размером семьсот метров на десять километров. Такой объект почти не поддается обнаружению в оптический телескоп! Он неспособен заслонить собой ни одной звезды. А сам он свет не отражает. Что вас еще интересует?

– Только одно – зачем тогда вы хотели дать мне бесполезный оптический прибор? – невозмутимо ответил Хорошеев.

– Я понимаю, что служебный долг обязывает вас относиться с подозрением к любой информации, – вмешался Президент Думский, – но я лично видел на экранах систем радионаблюдения этот кирпич. Да и снимки с орбитальных станций Ареса подтверждают – угроза существует, и решать проблему следует всеми доступными средствами. Несмотря ни на какие затраты. Так можно доделать крейсер или нет? Лебедяно и Труба, вопрос к вам.

– Я знаком с конструкцией «Криптона» заочно: видел схемы, читал рапорты. Но думаю, что приспособить ему рубку от стандартного корабля можно запросто, – адмирал пожал плечами. – Это дело пяти минут. А вот электронику засунуть, ракеты подвесить и оружейные башни установить – не успеем. А без них какой он суперкрейсер? Так, действующая модель.

– Но я слышал, что корабль развивает небывалую тягу, – перебил его Президент. – Профессор, насколько нужно сдвинуть траекторию астероида?

– Если в ближайшие сутки – на десять градусов, – в глазах Лебедяно появились искорки надежды.

– А небывалая тяга – это сколько? – поинтересовался Бубнов.

– Военная тайна, – Президент усмехнулся.

– А я кто? – удивился генерал.

– Философский вопрос, – вмешался Хорошеев. – А какова масса астероида? – спросил он, обращаясь к астрофизику.

– Объект очень плотный и тяжелый, – профессор вздохнул. – К сожалению, это единственное, что мы поняли из исследований. Вещество астероида настолько необычно, что почти все наши знания и аппаратура оказались бессильны. Единственное, что можно сказать с полной уверенностью, никакие термоядерные ракеты ему не страшны. Он поглощает любую энергию, в любом количестве, как пылесос. Его не сбить с пути даже серией взрывов. Даже если вы

ударите разом из всех пушек и засыплете его боеголовками! Но и когда наступит предел его поглощающей способности, взрывы просто расколют астероид на мелкие фрагменты, и метеоритный дождь...

– Слышали, уничтожит все живое на Планете, – Президент махнул рукой. – А если нажать плавно, однако с достаточным усилием?

– Ну-у... не знаю.

– Да все равно он не готов! – воскликнул Труба. – Я про «Криптон». Там ни одного компьютера еще не установили. Голая конструкция и система управления двигателями! Я буквально вчера получил текущий рапорт.

– А что еще нужно? – удивился Президент. – «Присобачиваем» рубку, выводим на ее пульт педаль газа... или что там, кнопку... и все.

– Как это все? – адмирал почесал в затылке. – А эти... системы телеметрии для стыковки, связь, поворотные двигатели... Да много чего еще! Лебедянко, что вы молчите? Это же ваша вотчина.

– С астероидом его состыкуют автоматические буксиры, а связь ни к чему, – оживился профессор. – Чтобы передачу не перехватили какие-нибудь журналисты. Если кто-то пронюхает, что мы два года скрывали такую жуткую тайну, несдобровать всем, кто был в нее посвящен. Так что фиксируем «Криптон» на астероиде и врубаем двигатели крейсера на полную тягу.

– Врубаем... – задумчиво повторил адмирал. – А кто?

– Что – кто?

– Кто врубит? – пояснил Труба. – Ведь без связи команду не дашь. Да и некому будет ее давать, если компьютер на «Криптоне» не установим.

– Тебе же сказали – педаль! – вновь подключился к беседе Бубнов. – И рубка. Пилот там будет.

– А-а... – Труба несколько раз кивнул. – Доперло!

– Что-то на редкость быстро, – ухмыльнулся Хорошеев.

– А кто пилотом-то станет? – спросил Труба, не обращая внимания на его подковырку. – И что будет после? Ведь «Криптон» от астероида клещами не оторвешь, он все топливо на тягу спалит, движки-то у него о-го-го какие, конструкции Мерсье! Они же топливо ведрами хлеблют. А что помельче, запасной челнок какой-нибудь, оттуда не взлетит. Тяжело. Камикадзе будем искать?

– Нет, такие нам не подойдут, – возразил Лебедянко. – С двигателями Мерсье шутить нельзя. Ведь сам крейсер пока лишь голая конструкция.

– Рама и двигательный блок, – подтвердил адмирал. – Даже без защитного кожуха. Как доисторический мотоцикл.

– Это и плохо, – профессор вздохнул. – К подобным двигателям без защитных средств нельзя приближаться даже на километр. Они такое магнитное поле генерируют, что с ума можно сойти. В самом прямом смысле. Как показали исследования, это поле очень серьезно воздействует на психику. Усиливает любые эмоции, страхи или переживания в тысячи раз.

– Представляю, – пробормотал Труба.

– А вы умеете? – опять поддел его Хорошеев.

– Если в обычной жизни человек часто беспокоится, например, выключил ли утюг, то в таком поле он наверняка чокнется.

– Вот именно, – согласился Лебедянко. – Он может чокнуться от чего угодно. От невыносимой тоски по родным и близким, от тысячекратно усиленного желания поиграть с любимой собакой или в очередной раз полистать альбом с открытками. Чтобы оставаться на «Криптоне» длительный период, нужна очень крепкая, стабильная психоматрица. То есть пилот не должен быть ни сумасшедшим, ни фанатиком, ни склонным к истерике или капризам психопатом. Он

не должен быть даже увлекающимся, таким, знаете ли, влюбленным в свою профессию или во что-то еще. Никаких ярких эмоций или душевного надлома, никакой склонности к самоубийству. Нужен абсолютно здоровый человек, сохраняющий самообладание даже в ситуации скорого светопреставления и невеселой лично для него альтернативы.

– Герой, – хмыкнул Хорошеев. – Из кино. Невозмутимый, жестокий, но справедливый.

– Герой, – согласился профессор. – Нет, действительно – герой, без иронии. Ведь только подумайте, он должен пойти на это дело, зная, что о его подвиге не догадаются даже астрономы-любители. Не будет ни награды посмертно, ни благодарности потомков, ни памятных монет с его профилем. Если мир выживет, тайна спасения человечества так и останется тайной за семью печатями, а если Планета погибнет, о герое и вовсе не вспомнит ни одна живая душа. Никто ведь не выживет.

– Нормальная ситуация, – заявил Труба. – Солдаты часто рискуют собой. Я найду вам военного пилота за минуту.

– Солдаты не годятся, – возразил Лебедянко. – Они люди увлеченные.

– Кто? Солдаты?! – адмирал искренне рассмеялся. – Да более уравновешенных, неэмоциональных и бездушных ублюдков, чем, например, в космодесантном батальоне «Бешеные Волки», вы не найдете на всей Планете! Так, Бубнов?

– Нет, – упрямо заявил профессор. – Вы меня не поняли. Эти ваши «волки», может, и чурбаны чурбанами, но все равно люди, любящие свою профессию, свое оружие, себя, таких непобедимых и романтично-загадочных. Здесь нужен человек, который не любит даже самого себя и в то же время никогда не сунет голову в петлю, потому что это не придет ему в голову и в страшном сне, но при этом способен, пусть и без восторга, пожертвовать жизнью ради великой цели. Ни солдаты, ни примерные обыватели, ни, наоборот, преступники не подойдут. Они все имеют свои недостатки, устремления, привязанности, в конце концов.

– Из кого же выбирать? – размышляя вслух, пробормотал Бубнов. – Из алкашей и наркоманов?

– Они не проходят по здоровью. Нужен человек равнодушный ко всему, в том числе к этим губительным соблазнам. Человек самодостаточный, но внутри своего замкнутого мирка готовый на подвиг. Абсолютно уравновешенный, с железными нервами, каменным рассудком, но без привязанностей в жизни, эмоций в душе, изящных мыслей в голове и без иллюзий насчет высшего предназначения. Как своего, так и всего человечества.

– Отморозивший голову тормоз, – резюмировал Хорошеев. – Отличный герой нового времени. Эпохальный портрет.

– Вы почти подходите, – отомстил ему Труба.

– Почти не считается, – равнодушно отмахнулся службист.

– Н-да-а, – Президент поднял тоскливый взор к потолку. – И где за три дня найти такого мизантропа? А после убедить его, что ненавистный мир вызывает о помощи именно к нему. Вернее, что именно он обязан помочь нелюбимым согражданам пожить лишний месяц. За его счет. А после все равно сгореть. Задача...

– Астероид может и не вернуться, если «Криптон» изменит его траекторию достаточно сильно, – неуверенно произнес Лебедянко.

– Не изменит, – хмуро отрезал Президент. – Не обольщайтесь. Ваш мизантроп обеспечит нам именно отсрочку. Это, кстати, важно – запоминайте все, ведь неизвестно, кому из нас придется его убеждать – ему придется сделать выбор не между серой жизнью и «красной» смертью, как говорится, «на миру», а между обычной, никому не заметной смертью сейчас или чуть позже, вместе с остальными... Кто на это согласится, тот и станет пилотом. Так, Лебедянко?

– Совершенно верно.

– Если кто-нибудь узнает, что нам потребовался такой урод, – Бубнов покачал головой, – и отклонение сработает... Нам придется провести последний месяц перед концом света, отве-

чая на множество неудобных вопросов. Не хотелось бы. А уж если этот кирпич улетит вовсе... это звучит парадоксально, однако нас сначала поблагодарят, а затем разорвут на части.

– Мизантропа я вам обеспечу, – вызвался Хорошеев. – По-тихому. Если потребуется, применим сканирование мыслей. Есть у нас на вооружении несколько соответствующих приборов, отдаленных потомков полиграфа. А что касается неудобных вопросов – будьте покойны, генерал. Выполняя задание, моя агентура не станет спрашивать, зачем начальству потребовался именно такой субъект.

Глава 2

– Задача не для слаонервных, – специальный агент Щеткин закончил ввод программы, переключил сканер мыслеграфа в режим поиска и надел на запястье замаскированный под часы экран. На этот экранчик выводился текст мыслей испытуемого и картинки возникающих в его сознании образов. Текст получался мелким, но «часы» были все равно удобнее предыдущей модели – имитации карманного компьютера. Да и основной блок нового аппарата для чтения чужих мыслей напоминал привычный табельный излучатель и прекрасно умещался в наплечной кобуре. – На кой черт начальству сдался такой крендель?

– Все экспериментируют, – агент Совковский, младший в «сто семнадцатой оперативной двойке», усмехнулся. – Вспомни операцию в феврале прошлого года.

– Когда с помощью мыслеграфа вычисляли маньяков? Поговаривают, что тот эксперимент провалился. Прибор указывал на каждого, кто дольше чем на секунду задумывался о бабах.

– Ну и этот провалится. Соберут сотню таких вот отмороженных, проверят их на большом, стационарном, мыслеграфе, затем еще какие-нибудь опыты поставят, да и прикроют проект.

– А денежки в двойном объеме спишут, – закончил Щеткин. – Знаем мы эти махинации. Ладно, пошли по точкам. С чего начнем?

– Как обычно, – Совковский поправил узел галстука. – Заодно и горло промочим.

Они покинули здание Восточного управления Планетарной Службы Безопасности через парадный подъезд и не спеша двинулись к переходу на подземный общегородской уровень. Вечно сверкающий неоновой рекламой, вдоль и поперек продырявленный тоннелями метро, лязгающий челюстями ступенек эскалаторов, шумный, тесный и суетливый. Помимо транспортных артерий и пешеходных вен, здесь размещались заведения самого разного профиля. От супермаркетов и салонов до баров и борделей. Постоянная «ночь» подземелья позволяла владельцам магазинов торговать с вечной «ночной» наценкой, а заведениям под красными фонарями круглосуточно трудиться, не смыкая... глаз. И что удивительно – практически легально. Ловкие адвокаты уже давно доказали, что если имеющее окна заведение не освещается солнцем хотя бы по два часа в день, режим его работы должен считаться ночным, вне зависимости от общепринятого деления суток на условные периоды. А в ночное время функционирование борделей считалось почти законным.

Здесь же, в подземелье, на задворках общественных заведений, среди хитросплетения городских транспортных путей и развязок, жили и многие граждане. Причем не обязательно представители «социального дна». Хотя чаще все-таки они. Твердолобые чернорабочие, беглые воры, вонючие бродяги, грязноватые потаскушки, окончательные пьяницы, отъявленные наркоманы, психбольные и прочие изгои «наземного» общества.

По мнению агентов, найти требуемого субъекта можно было только здесь. Если не в баре или вагоне метро, то в районе «спальных пещер» – точно.

Как выяснилось, так решили не только Щеткин и Совковский. Едва они оказались на главной площади восточного подземного сектора – это было просторное, но захламленное помещение с низким, пятиметровым, потолком, – им навстречу из толпы вынырнули еще двое агентов. Выглядели коллеги, как два шарика из одного подшипника. Калиброванные, наголо бритые крепыши в стандартных костюмах. Задание у них было тем же. Это угадывалось с первого взгляда. Сегодня они не маскировались под угрюмых «сотрудников частного охранного предприятия» или промасленных рабочих метрополитена, а щеголяли в строгих тройках со значками ПСБ на лацкане.

– А-а, и вы здесь, – Щеткин усмехнулся. – Пивцов и Воткин в одном стакане. Братья по оружию. Все время путаю, кто из вас кто. Что вас занесло в чужой сектор?

– Ищем, – неопределенно ответил один из «братьев», наверное, Воткин. Или Пивцов.

– А почему не у себя? – поинтересовался Совковский. – В центральном секторе не осталось подходящих субъектов? Всех подмели?

– Работаем, знаете ли, – гордо ответил Пивцов. Или Воткин. – У нас показатели на порядок выше, чем в некоторых секторах. В восточном, например.

– Укусил, ничего не скажешь, – Совковский рассмеялся. – Ну и как результат?

– Пока абсолютный ноль, – признался Воткин, а может, и Пивцов. – А время идет. Объединимся?

– Нет, Пивцов, – придержав напарника за рукав, отказался Щеткин, – толпой нам тем более никого не найти.

– Я Воткин, – признался агент. – Зря вы отказываетесь. Прочесали бы, как гребенкой, глядишь, пару блошек бы выловили.

– Работа с информаторами гораздо эффективнее прочесывания, – назидательно проронил Щеткин. – Запомни, брат Воткин.

– Ну, можно же и совместить, – неуверенно предложил Пивцов.

– Ладно, – неожиданно для «братьев» сдался Щеткин. – На платформах и в пешеходных тоннелях наблюдаем в восемь глаз, а в заведениях – увольте – говорить с информаторами будем только мы, а вы создавайте фон и молчите. Договорились?

– Идет, – «братья» разом кивнули.

Все четверо, не сговариваясь, потянули носами и направились к ближайшему ресторанчику. Оттуда пахло жареной курицей, березовыми вениками и спиртным. Такое сочетание запахов на Планете считалось более чем подозрительным. Навстречу агентам тут же вылетел официант с грязноватым полотенцем в руке. Он проворно смахнул крошки с ближайшего столика и расплылся в заискивающей улыбке.

– Четыре по сто? – поинтересовался он.

– Чем это пахнет, Базилио? – с подозрением прищурясь, спросил Совковский.

– На кухне... пригорело, – улыбка официанта стала вымученной. – Закусочки?

– Обойдемся, – ответил Совковский. – Ты лучше скажи, есть среди твоих клиентов подозрительные лица?

– Что вы, господин агент! – официант деланно возмутился. – У нас приличное семейное заведение!

– Ну да, – Совковский ухмыльнулся и взглянул на Щеткина.

Тот принял эстафету и брезгливо взял официанта за лацканы форменной курточки.

– Планете нужен рыцарь без страха и упрека, Базилио. Крутой, непробиваемый парень без мозгов и вредных привычек, с железными нервами, холодной головой и горячим сердцем. Знаешь такого?

– Так вот же вы, – официант обвел широким жестом всех четверых.

– Ты мне эти шуточки брось, – Щеткин нахмурился и легонько встряхнул официанта. Так, что у того шелкнули зубы.

– Виноват, господин специальный агент! – Василий, так его звали на самом деле, испуганно вытаращил бесцветные глаза. – Бывают у нас крутые ребята, но с привычками у них не все в порядке. Выпивают. Много.

– Значит, не сгодятся, – резюмировал Щеткин. – А непьющие сюда не забредают? Хотя бы случайно.

– Вы лучше в спортзале поищите, – предложил официант. – Там непробиваемых полно! И без мозгов из них половина, если не больше.

Он настороженно покосился на плечистых «братьев».

– Нет, клубы по интересам нам не подходят, – Щеткин отпустил Василия, и тот облегченно вздохнул. – Никаких увлечений, никакого интереса к жизни, водке, наркоте и даже к бабам.

– У Макарыча племянник слепоглухонемой, – вспомнил официант.

– Нет, нужен здоровый, – возразил Совковский. – Здоровый, только...

– Тормоз, – подсказал Пивцов-Воткин. Тот, что стоял левее.

– А-а, – Василий озадаченно почесал живот. – Ну и ребус вы загадали! Зачем это Планете потребовался такой тип? Разогналась сильно, осадить требуется?

– По-моему, ты подойдешь, – насмешливо сказал Щеткин. – Хочешь стать планетарным героем?

– Я?! Нет! Я же пью! Как только смену отработаю, так сразу к бутылке! Не гожусь для опытов!

– А кто сказал, что «тормоз» требуется нам для опытов? – Щеткин снова насупился и выразительно потер кулак.

– Так ведь... – официант втянул голову в плечи. – Знаю! Вам Гаврилыч нужен! Он только что от меня вышел. К Поликарпову направился. Вот уж кто пришибленный так пришибленный. В полный рост! Но здоровый – его два раза в психушку хотели упрятать, но врачи сказали, что здоров. И не пьет почти. Все ему вокруг фиолетово, точно знаю! Даже деньги может кому-то занять, а потом плюнуть на это, и все дела. Я ему уже три года десять кредитов должен – ни разу не вспомнил. Он, наверное, в высших сферах витает, а там деньги ни к чему.

– Может, ему в свое время просто голову отбили? – засомневался Совковский. – Я что-то смутно припоминаю, кажется, был тут такой инцидент.

– Ну, было, конечно, – согласился официант, – но врачи-то говорят, что здоров! Как пить дать, вам Гаврилыч подойдет!

– Смотри, Базилио, – агент Щеткин легонько шлепнул официанта по пухлому животу. – Если не выстрелит вариант, вернемся. И тогда уж не взыщи, пойдешь с нами.

– Точно вам говорю – портрет с Гаврилыча писан!

В заведении «Кабачок Поликарпова» пахло еще подозрительнее, но хозяин оказался умнее Василия. Завидев четверых не маскирующихся под обывателей агентов, он сразу понял, что явились они не с облавой, а просто поговорить. Внимательно выслушав суть проблемы, он тут же сдал «сексотам» и Гаврилыча, мирно дремавшего у стойки, и еще десяток личностей. Видимо, своих недругов. Поскольку один из них находился в кабаке, агенты разделились. К жрущему за счет заведения громиле направились «братья», а Гаврилыча зажали Совковский и Щеткин. Кандидат в планетарные герои проснулся не сразу. Даже после того, как агенты представились и пару раз, для бодрости, сунули ему под ребра кулаки, Гаврилыч всего лишь приоткрыл один глаз и вежливо икнул.

– Есть контакт, – усмехнулся Щеткин. – Ты на связи, Гаврилыч? Полное-то имя у тебя какое?

– Иван Пантелеймонович, – после примерно двухминутной паузы ответил мужичок.

– О! А Гаврилыч почему? – удивился Совковский.

– А я почему знаю? – еще через минуту пришел ответ.

– По-моему, нормально, – с некоторым сомнением произнес Щеткин, взглянув на сотрудника. – Тормоз очевидный, но на вопросы отвечает. И водкой от него почти не пахнет. Мыслеграфом проверим или сразу заметем? Мне, честно говоря, не сильно охота у такого типа в башке ковыряться.

– Чем больше приведем, тем лучше, – согласился Совковский. – А там пусть сами выбирают. Начальство, наверное, лучше знает, чего ему надо.

– Меня так еще в зоне прозвали, – неожиданно выдал Гаврилыч. – По пятой ходке.

– А, черт... – Щеткин поморщился. – Все-таки надо было его прибором проверить. Сразу, вместо вопросов. Столько времени потеряли. Так ты что, рецидивист?

Гаврилыч устремил стеклянный взор в лишь ему видимую внепространственную глубину стакана. Щеткин невольно взглянул на часы.

– Вопрос минуты на три. Черт с ним, пусть сидит. Идем к «братьям», может, им повезло.

Они переместились за столик, где двое коллег, набывчившись, «прессовали» бледного до синевы поликарповского недруга.

– И с братвой никак не связан? – угрожающе мычал правый Пивцов-Воткин.

– Привлекались ли вы к уголовной ответственности? – сверлил громилу взглядом левый.

В отличие от Гаврилыча, отвечал здоровяк почти без пауз. На осмысление вопроса у него уходило секунд по двадцать. Зато ответы были на редкость единообразными.

– Вы чего, гражданин начальник?

– Крепкие спиртные напитки употребляешь?

– Пробовали когда-нибудь наркотики?

– Гражданин... граждане начальники, вы чего?

– Пустышку сосете, – вывел Щеткин. – Без мыслеграфа видно – бандюган. Нам такие не подходят.

– Все судимости погашены, – вдруг донеслось от стойки.

– Не так-то это, оказывается, просто, – бросив скептический взгляд на разродившегося Гаврилыча, заявил Щеткин, – найти неглупого придурка без вредных привычек и с чистой анкетой.

– Это точно, – согласился Совковский. – Идем дальше?

– Идем.

– Господа агенты! – едва они вышли из кабака, их нагнал Поликарпов. – Так вы что же, не заберете этого... этого...

– Бандюка? Нет, – Щеткин строго взглянул на кабатчика. – Мы же вам ясно сказали: нужен нормальный человек. Мирный и тихий. А вы нам кого порекомендовали? Всех своих обидчиков скопом? Ну, вот теперь и расхлебывайте. В следующий раз будете умнее.

– Да какой следующий раз?! – взвыл Поликарпов. – Какой следующий?! Они же меня прямо в этот раз... как сервелат настроят! Они же меня... они же...

– Так давайте мы вас заберем, – с издевкой в голосе предложил Совковский. – Соображаете вы плохо, теперь это понятно, и прошлое не запятнано. Лучше кандидатуры не придумать.

– Как же это... заберете? – кабатчик позеленел. – За что?! А ресторацию я на кого оставляю? Нет, вы не имеете права! Я честный гражданин, налогоплательщик, социально полезный член общества!

– Заткнись, – негромко приказал Совковский.

Поликарпов оборвал свою пламенную речь и окончательно скис.

– У меня дети, – всхлипнул он. – Я по ночам писаюсь! Я не могу с вами!

– Даю последний шанс, – Щеткин величественно приосанился и сложил руки на груди. – Нужен такой, как Гаврилыч, только без дурных наклонностей. Соображай.

Полный отчаяния взгляд Поликарпова заметался по площади.

– И вы заберете Кувалду?

– Кого? – притормозил Совковский.

– Заберем, – пообещал Щеткин. – Вон «братья» отведут твоего Кувалду наверх, и больше ты его не увидишь. Думай, Поликарпов. Размышляй. Да не над смыслом жизни, а над моим заданием.

– В чем смысл жизни... – пробормотал кабатчик. – Ну конечно! Смысл жизни! Тормозуха с антифризом! Как же я раньше-то... Я знаю, кто вам нужен, господа агенты! Стопроцентный

вариант! Идемте, я провожу. Только... я не хотел бы оставлять заведение, пока там находится этот... ублюдок.

– Оплата по факту, – Щеткин пожал плечами. – Чем быстрее приведешь к субъекту, тем быстрее избавишься от твоего Кувалды.

Поликарпов припустил через площадь с такой прытью, словно за ним гнались все «кувалды» подземного уровня. Тренированные «братья» поспевали за ним след в след, а вот Совковский и особенно Щеткин приотстали.

– Никто... не желает быть героем, – преодолевая одышку, пробормотал Совковский. – Надо же... Готовы все секреты разболтать и по уши в помой окупнуться, лишь бы их не трогали.

– Патриоты, – тоже сбивая дыхание, усмехнулся Щеткин. – Им же надо за что-то героизировать. За просто так они у себя и геморрой с плоскостопием найдут и пол поменяют. На средний. А за кредиты, медали, льготы и почести – пожалуйста. А если ничего этого не обещается, значит, «для опытов» забирают. Страшно становится. Да тебе самому предложи такой вариант, ты пойдешь?

– Был бы тормозом, может, и пошел бы.

– А ты кто? – Щеткин рассмеялся. – Нет, агент Совковский, ты бы не пошел. Раз все секретно, значит, не для парада герой требуется, а для какой-то черновой работы. Причем, видимо, для сильно черновой, ежели такой дубово-бетонный вариант психики у него должен наблюдаться. А мы с тобой «чернуху» уже переросли и ни за какие печенюшки не согласимся снова в дерьмо нырять. Да еще без оплаты, орденов и почета.

– Может, ему заплатят, – усомнился Совковский.

– Тогда так бы и сказали. Конкурс бы объявили. А они, видишь, тайный поиск устроили. Почему? Да потому, коллега, что на мясо герой пойдет, когда подвиг свой совершит. Без вариантов. Потому и нужен им такой тюфяк. Нам с тобой надо было не в подвал по привычке лезть, а по шахматным клубам пройти, среди «геймеров» очкастых пошарить, общество книголюбов навестить.

– Клубы не подходят, – напомнил Совковский.

– Черт, – Щеткин споткнулся и перешел на шаг. – Уморил Полуэктов.

– Поликарпов.

– Какая разница, – Щеткин махнул рукой. – Не могу больше. Что я – лось в период гона?

– Если субъект окажется подходящим, «братья» его на свой счет запишут, – предупредил Совковский.

– Они в нашем секторе – поделятся, – специальный агент прищурился, вглядываясь в дальний край площади. – Однако на ловца и зверь...

Совковский проследил за его взглядом. Там, вдали, миниатюрный Поликарпов тряс за рукав, а Пивцов и Воткин – с такого расстояния и вовсе неотличимые – деловито обшаривали карманы какого-то облезлого и абсолютно равнодушного типа.

Глава 3

– Молчи не молчи, а хрен ты со мной разведешься!

Люська грохнула о пол очередной тарелкой. Тарелки не бились, а только отскакивали от пластикового покрытия и со звоном катились куда подальше. Одна смешно застряла между полом и низкой поперечиной стола. Прямо на ребре. Две умчались в коридор, а еще одна – брошенная с особенной силой – отрикошетила, словно живая запрыгнула на стул и скромно прилегла на краешке. Федор смотрел на нее и размышлял, что если Люська уронит что-нибудь потяжелее, вроде большой кастрюли, вибрация может сбросить тарелку куда ей и положено. То есть на пол. А вот с пола ей уже никуда не деться. С него упасть нельзя. Хоть завибрируюсь.

– Немтырь поганый! В доме ни кредита! За энергию год не плачено! Скоро все с молотка пойдет! Приставы каждый день ходят! Печка искрами плюется, утюг сгорел, кран течет! Васька из школы одни «бананы» таскает, Машка опять на аборт деньги клянчит – пятый уже, и это в пятнадцать! Хоть не колется, шалава, и то хорошо. Ты что же, так и будешь молча на все это смотреть?! Ты работать собираешься?! Или по дому что-то делать и детей своих ублюдочных воспитывать! Чего ты все время молчишь, полено бесчувственное?! Ты вообще соображаешь, что я с тобой говорю? Или тебя в психушку пора сдавать?! Чего ты там думаешь себе? Думаешь, разоралась дура? А как же мне не орать, когда ты, как гиря, у меня на шее висишь, и ни помощи от тебя, ни поддержки! Даже по ночам от тебя проку нет! Стручок засушенный! Аутист сраный! Лучше бы ты водку жрал, чем так вот бревном сидеть!

Раньше на все эти выпады Федор обязательно ответил бы по пунктам. Сначала, что бревном обычно лежат, а сидят сиднем – правда, что такое «сидень» Федор не знал. Впрочем, он и не задумывался. Далее опроверг бы тезис, что пьющий муж лучше непьющего «сраного аутиста» (тоже странное и непонятное словосочетание). А парируя выпад на тему «засушенного стручка», ответил бы каверзным вопросом: когда Люська в последний раз смотрела на себя в зеркало и что она там увидела, кроме необъятных колышущихся телес? Едва различимые за щеками глазенки, жирные губищи и пять подбородков? А ниже? Студенистую грудь, теоретически – средоточие женской красоты, лежащую на трех таких же размеров складках, необъятные ручищи и слоновьи ножищи. И это в тридцать пять! В возрасте, когда женщина просто обязана быть в расцвете своих женских сил и строгой телесной форме. О каком «проке по ночам» может идти речь, когда ложишься в постель с человекообразной свиноматкой? Федор мог бы разбить в пух и прах и все прочие Люськины аргументы, но ему было абсолютно плевать. На все. На ежедневные и еженощные скандалы, на вязкую трясику быта, одуряющее, цепкое безденежье и безнадёгу, на работу, которая опостылела настолько, что он просто перестал на нее ходить. Наверное, его уже уволили, а может, еще нет. Плевать. Зачем чего-то добиваться, портить нервы, подсиживать сотрудников, манипулировать, подлизываться к начальству, если в результате как был, так и останешься никем? Ну, будешь больше получать, ну, займешь пост попрестижнее. Уйдешь на пенсию не рядовым работягой, а начальником. И на похоронах у тебя будут притворно скорбеть не только родственники, а еще и большие люди, которых привезут в лимузинах и увезут сразу после первого стука первого комка земли по крышке гроба. Даже добейся в жизни всего или стань самым умным – с собой этого не взять. Обеспечить детей и семью? Глупейший мотив. Все, что человеку дается кем-то, уходит сквозь пальцы, а пользу приносит лишь заработанное своими руками или головой – как уж сложится. Вот и выходит, что сожалеть о потерянной работе нет ни причины, ни повода. Хоть заорись тут Люська и застучись приставы.

Потому и не о чем говорить. А если не о чем, на фига напрягаться? Федор медленно перевел взгляд на беснующуюся жену. Развод? На кой черт он сдался? Чтобы не слышать этих истерик? А какая разница? Тишина лучше, но в ней скучно. Хотя вопли, конечно, не музыка и

развлекают сомнительно. Скорее – отвлекают. Но развод – это суета. Ненужная, бессмысленная. Суды, истцы, ответчики, дележ имущества... Проще грохнуть эту истеричку об пол. Как те тарелки. Но это тоже не выход. Опять же суды, адвокаты, прокуроры, срок... Та же суета.

«А он, вообще, нужен, выход? Что делать, кто виноват? Не все ли равно?»

– Чего ты пялишься, скотина?! – Люська наконец-то схватила кастрюлю, но не грохнула посудину о пол, а запустила в Федора.

В принципе, надо было увернуться. Это подсказывал инстинкт самосохранения. В толстой стеклянной посудине было не меньше четырех-пяти кило веса, помноженного на скорость, и столкновение кастрюли с головой не сулило Федору ничего хорошего. С другой стороны, увернувшись от «болида», Федор предавал самого себя. Ведь культивируемая им внутри сознания позиция – почти философия – утверждала, что все вокруг пыль и бред. А значит, на все плевать.

«Выходит, не на все. Выходит, неувязочка в теории. Хотя вот на эту неувязочку как раз и плевать», – придя к такому выводу, Федор ловко увернулся от кастрюли и даже встал.

– Проняло?! – Люська злорадно прищурилась. – Постой так, я сейчас холодильник на тебя опрокину, может, еще и заговоришь!

Дождаться, когда Люська исполнит обещание, Федор не стал. Он покинул кухню и, сунув ноги в растоптанные донельзя ботинки, вышел за дверь. Короткий коридор вел на «проспект» – тоннель, выводящий на местную площадь, главное место культурной жизни всего сектора. На общественную жизнь Федору было тоже плевать, но на площади люди не так сильно шумели и никто не пытался его достать. Еще там можно было выпить, хотя Федора к алкоголю не тянуло. Да и в кредит ему уже давно никто не наливал. Даже антифриза. Хотя шутили на эту тему постоянно. Наверное, это и на самом деле было смешно, но Федора подначки не волновали. «Тебе антифриза или тормозной жидкости?» – блистал остроумием бармен. «Коктейль!» – поддерживал его кто-нибудь из завсегдатаев. «Федор, в чем смысл жизни?» – кричал кто-то еще, обычно из темного угла. И при этом никто ничем не угощал. Федор выжидал некоторое время, затем пожимал плечами и уходил. В другой бар или просто гулять по сектору. По его подземной части, разумеется. Наверху в последний раз он появлялся года два назад. Разыгравшийся тогда приступ агорафобии едва его не убил. Это ужасное бесконечное небо, этот жуткий ветер и обжигающий, перенасыщенный кислородом воздух... Ничего страшнее с Федором не случилось никогда в жизни. Теперь, конечно, дело другое. Когда тебе на все плевать, никаких боязней быть не может. Ни открытого, ни замкнутого пространства человек без эмоций не боится. Однако проверить эту теорию было невозможно. Ведь зачем подниматься наверх, если тебе по барабану, что там происходит, да и есть ли там что-нибудь, в принципе?

– Федя, к девяти возвращайся, ужинать будем! – донеслось из приоткрывшейся за спиной двери. Голос Люськи звучал почти ласково. Так происходило всегда, стоило Федору шагнуть за порог. Почему – он не понимал. Может, она боялась, что в один прекрасный день Федор не вернется? Или не хотела показывать соседям, что ее семейная жизнь идет «не как у людей»?

«Ханжество, глупость, лицемерие и лень в одном флаконе».

Если б не было настолько неинтересно, скучно и противно, Федор обязательно поразмышлял бы, есть ли смысл в существовании таких особей, как Люська, и таких социальных ячеек, как их семья. Но было как раз скучно и неприятно.

«Ну и наплевать». Федор почесал бедро ближе к ягодице и пошел в сторону площади. Ходить тоже было неинтересно, но, как и увернуться от кастрюли, необходимо. Нет, Федор не надеялся увидеть на площади что-то новое, захватывающее и невероятное. В сказки он не верил с пяти лет. Просто организм требовал движения. А бессознательные желания были для Федора святы. Он не любил этот мир, населяющих его людей, Люську, себя самого как личность, но всегда уважал Федора Пустотелова как биологического индивида. Подсознание требовало пройтись и размяться – Федор шел и разминался. Подкорка сигнализировала, что

пора поесть или, наоборот, избавиться от шлаков – Федор ел и... наоборот. Изредка организм даже заставлял хозяина грешить против такой стройной философии безразличия ко всему на свете и, повернувшись на бок, пристраиваться к храпящей в такой же позе Люське. Слава богу, случилось это редко и заканчивалось еще до того, как удивленная жена успевала перевернуться и перетащить Федора в классическую позицию – Люська признавала только ее.

Все это было потаканием телу. Но, в конце концов, Федор не был ни монахом, ни йогом и никаких обетов никому не давал.

– Федор!

Пустотелов сделал по площади только пару шагов, а его уже заметили. Событие было нерядовое. Федор обернулся и обнаружил, что перед ним стоят трое. Двое близнецов и кабатчик Поликарпов. Незнакомые братья выглядели слишком аккуратно для подвала, а Поликарпов был чем-то сильно взволнован. Будь Федору не все равно, он бы, наверное, удивился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.